

Глава VIII ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР

Однако гораздо масштабнее бывают последствия, когда носитель подобного утопического сознания обладает достаточной силой воли и возможностями действительно в серьезных масштабах начать переделывать жизнь в соответствии со своими представлениями о должном и служение Богу подменяется (порой неосознанно, а порой вполне сознательно) служением человеку.

В свое время Вяч. Иванов, откликаясь на слова Достоевского, писал: будь Дон Кихот наделен гением, «он стал бы, может быть, неким образом подобен тому же Игнатию Лойоле»³²⁴. П. Бицилли, посвятивший этому сопоставлению одну из лучших своих статей, пришел к выводу: «Дон Кихот и Игнатий Лойола взаимно дополняют и поясняют друг друга. Творение Сервантеса можно рассматривать как философский комментарий к биографии Лойолы, а последняя, со своей стороны, обнаруживает глубокую жизненность и психологическую правдивость героя изумительного романа»³²⁵. Сопоставление Дон Кихота с Игнатием Лойолой — общее место в испанской сервантистике (а приоритет здесь принадлежит Вольтеру³²⁶), и вызвано это в первую очередь поразительным совпадением ключевых эпизодов биографии основателя ордена иезуитов и романной судьбы Дон Кихота. Происхождение из знатного, но обедневшего рода, проживавшего в далекой от столиц местности, увлечение в юности рыцарскими романами, особенно тем

³²⁴ Иванов Вяч. Шекспир и Сервантес // Он въезжает из другого века... С. 127.

³²⁵ Бицилли П. М. Игнатий Лойола и Дон Кихот // Бицилли П. М. Место Ренессанса в истории культуры. С. 207—208.

³²⁶ Тертерян И. А. Философско-психологическое истолкование образа Дон Кихота и борьба идей в Испании XX века // Сервантес и мировая литература. С. 61.

же «Амадисом Галльским», платоническая любовь к высокородной принцессе, склонность к видениям и галлюцинациям, тайный уход из дому, ночное «бдение над оружием» перед алтарем Пресвятой Девы в монастыре Монсеррат в начале деятельности «по искоренению всякого зла в мире», эпизод, когда он подарил нищему свою одежду, а того потом арестовали, предъявив обвинение в краже... А затем пребывание в пещере, где, сподобившись некоего откровения, Лойола написал свои знаменитые «Духовные упражнения», проповедь перед недоумевающими и поднявшими его на смех моряками на корабле по пути в Иерусалим (куда он отправился, чтобы обратить в христианство «всех сарацин-мусульман»), путешествие в сопровождении ослика с пожитками из Саламанки в Париж, один из решающих моментов в его духовной биографии — когда он, по собственным словам, очнувшись, «словно ото сна», навсегда избавился от сомнений в своем пути, объявление себя и своих товарищей по созданному им Ордену иезуитов «рыцарями, призванными самим Богом, чтобы духовно покорить весь мир», и многое другое — так что даже можно подумать, что Сервантес писал некую *пародию* на своего старшего современника. В упомянутых «Духовных упражнениях» Лойола важное место уделяет так называемому «сознательному фантазированию» или «фантазму»: упражняющийся должен представлять себе те или иные моменты земной жизни Христа, Его общения с апостолами, даже собственные беседы с Ним: «Воображая Христа, Господа нашего, передо мною, Распятого на кресте, вопрошая Его в беседе»³²⁷. Вообще решающую роль видений — «столь прекрасных, что он готов был умереть за них»³²⁸ (вспомним «мгновения самосознания» Мышкина перед эпилептическим припадком, за которые, по его словам, «можно отдать всю жизнь» — 8; 188) — в духовной судьбе основателя ордена иезуитов отмечают многие исследователи. «Однажды <...> он ясно уразумел **весь замысел божественной мудрости**, проявившейся в созидании мира. Другой раз <...> ему было дано увидеть <...> глубокую тайну **сущности Святой Троицы**»³²⁹. Следует особо выделить —

³²⁷ Барт Р. Лойола // Символ. Журнал христианской культуры. 2006. № 50. Париж — Москва. С. 251, 253.

³²⁸ Бернарт Луи, SJ. Фундаментальный опыт Игнатия Лойолы и опыт психоанализа. С. 286.

³²⁹ Barteli (Bartoli) M. Vie de Saint Ignace de Loyola. P. 34—36 (цит. по: Епископ Варнава (Беляев). Основы искусства святости. Опыт изложения православ-

как материал для дальнейших размышлений — подчеркнутое Роланом Бартом в упомянутой статье изменение (в духе времени: наступающая эпоха барокко — «искусства зримой вещи», напоминает Барт) иерархии пяти чувств: если раньше для христианина главным считался слух («вера от слышания» слова Божьего — Рим. 10:17), то теперь у Лойолы главным становится зрение. Не забудем и такую немаловажную деталь из практики «Духовных упражнений», не явную, но замеченную специалистом: речь идет о том, «чтобы придать определенный образ самому себе» во взгляде авторитетного Другого или тех, чье мнение важно³³⁰. Думаю, обо всем этом догадывался Сервантес задолго до возникновения теории психоанализа. Он очень хорошо знал историю возникновения и деятельности ордена иезуитов «изнутри» (учился в детстве несколько лет в коллегии при Ордене), и даже, может быть, как считает один из его биографов, А. Красноглазов, пользовался их влиянием при освобождении из алжирского плена³³¹, кроме того, ему, наверняка, была хорошо известна книга Риваданейры³³²; не забудем и о том, что Лойола учился некоторое время в знаменитом университете родного города Сервантеса Алькала-де-Энарес. Рассуждая об отношении Сервантеса к теории и практике иезуитов, П. Бицилли как образец иезуитской казуистики рассматривает тот эпизод из «Дон Кихота» (в котором он и получает свое новое имя — Рыцарь Печального Образа), когда он, покалечив бакалавра и подумав о том, что за это, видимо, подлежит отлучению от Церкви как поднявший руку на лицо духовного звания, затем успокаивает себя соображением, что он поднял не *руку*, а копьё³³³.

Но ведь образ Игнатия Лойолы только в нашей культурной традиции имеет в основном негативную окраску. Я не говорю даже о его

ной аскетики. Т. 2. Нижний Новгород: издание Братства во имя святого князя Александра Невского, 1997. С. 402; то же см.: Джеймс Уильям. Многообразие религиозного опыта. Лекции XVI и XVII. Мистицизм (<http://psylib.ukrweb.net/books/james01/txt17.htm>)).

³³⁰ Бернарт Л., SJ. Фундаментальный опыт Игнатия Лойолы и опыт психоанализа. С. 273.

³³¹ Красноглазов А. Сервантес. Сер. «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 2003. С. 97—98.

³³² Иезуит Педро де Риваданейра написал в 1572 г. «Житие Игнатия Лойолы».

³³³ Бицилли П. М. Игнатий Лойола и Дон Кихот. С. 208.

канонизации католической церковью — он воспринимается (и в Испании, и за ее пределами) как образец героической борьбы за идеалы и чистоту католической веры (как и — многими — Дон Кихот). Испанский исследователь С. Монтеро Диас утверждает, что хотя Дон Кихот и Лойола «близки по вере в идеалы», но «св. Игнасио не бежит от реальности, как наш идалго. Он идет ей навстречу со сказочной волей к господству и в то же время с разумной и уравновешенной техникой господства»³³⁴.

Когда П. Биццилли пишет, что создателем Ордена иезуитов «единственный раз на человеческой памяти была разрешена задача, казалось бы неразрешимая: создана идеальная организация *добровольных рабов, рабов, любящих свои цепи и убежденных в своей свободе*»³³⁵ — сразу же, конечно, вспоминается поэма «Великий инквизитор». Но тут надо отметить очень тонкую грань: ни Биццилли, ни, безусловно, Сервантес не сомневаются в искреннем стремлении Игнатия Лойолы и членов созданного им Ордена (по крайней мере в первых поколениях) служить Богу и людям...

Немало общего у Дон Кихота и с другими подобными деятелями той поры, жившими веком ранее — Савонаролой и Торкемадой. В одном из своих юношеских стихотворений — «На разрушение мира (*De ruina mundi*)» — Савонарола так описывает свое представление об окружающей действительности: «Я вижу разрушенным весь мир, безнадежно попорванными добродетели и добрые нравы; нигде нет живого света и существа, стыдящегося своих пороков... счастлив только тот, кто живет грабежом, кто питается кровью ближнего, кто обирает вдов и опекаемых им сирот и толкает в пропасть бедняков»³³⁶. Уйдя тайком из дому и поступив в монастырь доминиканского Ордена, он пишет отцу, что стал «воинствующим рыцарем» — «воином Христовым». Далее у него начались видения, которые укрепляли его в мысли, что Господь призвал его к «священному служению», как писал он в начале своей проповеднической деятельности. В конце жизни Савонаролы, когда противоборство его с Ватиканом достигло апогея, во Флоренции происходит кровавое

³³⁴ Цит. по: Тертерян И. А. Указ. соч. С. 78.

³³⁵ Биццилли П. М. Игнатий Лойола и Дон Кихот. С. 205—206.

³³⁶ Шеллер А. К. Савонарола // Будда. Конфуций. Савонарола. Торквемада. Лойола. Жизнь замечательных людей. Библиографическая библиотека Ф. Павленкова. СПб.: «ЛИО Редактор» и др., 1998. С. 159.

столкновение между его сторонниками и противниками, во время которого некий немец, по имени Генрих, стреляя в штурмующую монастырь толпу, при каждом выстреле кричит: «Сохрани в здравии людей Твоих, Господи!», а в это время другая толпа, штурмующая дом сторонника Савонаролы Франческо Валори, убивает его, его жену и случайно оказывается раздавленным их маленький ребенок...³³⁷ В своем стихотворении 1851 г. «Савонарола» А. Майков (стихотворение это не могло не быть известным Достоевскому, учитывая многолетнюю тесную дружбу двух писателей) описывал устроенные воинствующим доминиканцем костры, на которых сжигалось «всё, что тешит резвый свет / Приманкой неги и сует», и то, как затем «монах крутой, / Как гений смерти, воцарился / В столице шумной и живой — И город весь преобразился. Облекся трауром народ, / Везде вериги, власяница, Постом измученные лица / Молебны, звон да крестный ход. Монах как будто львиной лапой / Толпу угрюмую сжимал...». Заканчивает он свое произведение описанием казни самого Савонаролы, умиравшего с именем Христа на устах. Однако — «Христос, Христос, — но, умирая / И по следам Твоим ступая, / Твой подвиг сердцем возлюбя, / Христос! Он понял ли Тебя? / <...> Своею кровью жизни слово / Ты освятил, — и возросло / Оно могуче и светло; / Доминиканца же лик суровый / Был чужд любви — и сам он пал / Бесплодной жертвою...»³³⁸. Трудно не заметить, что здесь по-своему выражена одна из основных тем Достоевского: какие опасности и соблазны подстерегают человека, избравшего путь — не богоборчества, а следования, как ему кажется, Богу.

С суровых обличений мира начинается, еще с ранних лет, и деятельность Торквемады, а продолжается и заканчивается она так, что ему приписывают «открытие новой эры в инквизиционной практике»³³⁹. «Утверждать, — говорил он в одной из своих проповедей, — что люди свободны веровать по желанию и что не следует наказывать еретиков, — значит утверждать, что не нужно наказывать грабеж, волшеб-

³³⁷ Шеллер А. К. Савонарола. С. 162—219.

³³⁸ Майков А. Н. Савонарола // Хождения во Флоренцию. Флоренция и флорентийцы в русской культуре: В 2 т. / Под общ. ред. Е. Гениевой. Т. 1. Век XIX. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. С. 219—223.

³³⁹ Барро М. Торквемада («великий инквизитор») // Будда. Конфуций... С. 250.

ство и смертоубийство». Только при личном присутствии Торкемады было сожжено более десяти тысяч человек...³⁴⁰

Повторим: во всех этих случаях мы имеем дело с объективно честными, абсолютно искренними и благородными в своем стремлении спасти и помочь ближним людьми — этому каждый из них отдал практически всю свою жизнь. Но деятельность их, в конечном итоге, приводила лишь к увеличению зла в мире. Приводила потому, что по мере осуществления их идей все более сказывалась опора на *собственную праведность*, нежели на *праведность Божию* (по слову апостола Павла — Рим. 10:2—3).

Очень точно написал в свое время Вяч. Иванов: «Быть с великим инквизитором — вот завет, вот долг истинных спасителей человечества, вот их крест, превышающий своею славою крест Голгофы, — при том предположении, что Бога нет»³⁴¹; в другой своей статье Вяч. Иванов поясняет и развивает эту мысль: «Инквизитор борется отрицанием Бога, потому что не доверяет, не вверяется Ему. Отрицая Бога — **утверждает мир данный**: под **свою** опеку приемлет мир...»³⁴²

Итальянский ученый Л. Парейсон выявил «три главных поиска у героев Достоевского: поиск свободы, поиск счастья и поиск истины. Каждый из путей обречен на гибель, если у него нет связей с двумя другими. Главным оказывается поиск свободы, но еще выше поиск Бога, благодаря которому другие пути могут объединиться. Особенно важно, что поиск истины или счастья самих по себе, при отсутствии поиска свободы, — проект Великого инквизитора, — это заблуждение любой Церкви, от Торкемады до Иосифа Волоцкого, когда Церковь поддается искушению тоталитаризмом»³⁴³.

Можно вполне определенно сказать: кроме очевидной для многих линии, идущей от Дон Кихота к Мышкину, менее очевидная, но тоже безусловная связь существует между Дон Кихотом и вели-

³⁴⁰ Барро М. Торквемада («великий инквизитор») // Будда. Конфуций... С. 270—272.

³⁴¹ Иванов Вяч. Лики и личины России. С. 296.

³⁴² Там же. С. 53.

³⁴³ Pareyson L. Le dimensioni dellà liberta in Dostoevkij. Firenze, 1981. P. 107—121. Цит. по: Каппилупи С. Достоевский, Италия и католицизм // Достоевский и мировая культура. № 23. СПб.: Серебряный век, 2007. С. 191.

ким инквизитором (и тем самым с его «создателем» — Иваном Карамазовым) из последнего романа Достоевского. И — как бы это ни шокировало многих — между Мышкиным и великим инквизитором. Ясно, на чем основаны все эти сопоставления: на взгляде на человека как существо слабое, не способное к самостоятельному внутреннему преобразению, которому или надо все прощать, или же силой вести к «правильному» образу мыслей и действий.

Но при этом надо признать: появлению великих инквизиторов способствует и желание многих людей переложить ответственность за свою судьбу и судьбу государства, за решение «вечных вопросов» на кого-то сильного и в то же время «понятного», готового дать оправдывающую греховное бытие идею.

И как знать, не вследствие ли набравших к XX веку катастрофическую силу изменений в человеческих умах — отошедших от подлинной веры и восторженно ожидавших спасения и счастья от земного мессии, — в середине этого века явилось повсеместное и почти одновременное торжество «великих инквизиторов»: Сталина, Гитлера, Франко, Салазара, Муссолини, Трумэна, Мао Цзе-Дуна³⁴⁴? (Ведь тот же Дон Кихот, произнося гимны человеческой свободе и уверяя, что его собственная воля всегда свободна, постоянно стремится нарушить чужую волю³⁴⁵.) И хотя знаменитый актер Б. Андреев говорил: «Один Дон Кихот — прекрасно. От ста Дон Кихотов нужно удирать немедленно»³⁴⁶, — но порой следует удирать (если сможешь) и от

³⁴⁴ К. Г. Юнг писал об этом так: «Наш век сделал акценты на “здесь” и “сейчас” и тем самым обусловил демонизацию человека и его мира» (Юнг К. Г. Аффект цивилизации // Матрица безумия. С. 136).

³⁴⁵ Интересен вопрос, поставленный в 1934 г. Т. Манном (современником всех этих «благодетелей человечества»): возможен ли «Дон Кихот — идеалист в противоположном смысле, мрачный и пессимистически приверженный насилию (Т. Манн, видимо, имел в виду масштаб, ведь насилию привержен и сам Дон Кихот. — К. С.), Дон Кихот зверства, который притом все же оставался бы Дон Кихотом? До этого юмор и меланхолия Сервантеса не дошли» (Манн Т. Собрание сочинений. Т. 10. М.: ГИХЛ, 1961. С. 187). Последняя фраза Т. Манна — как и многое другое в этом его эссе «Путешествие по морю с “Дон Кихотом”» — свидетельствует о явной недооценке и недопонимании автором гения Сервантеса; Впрочем, то же можно, к сожалению, сказать — по отношению к Достоевскому — и о другом эссе Т. Манна — «Достоевский — но в меру».

³⁴⁶ Он въезжает из другого века... С. 325.

одного. Достоевский предвидел и это: сопоставив в «Дневнике писателя» 1876 г. (статья «Дон Карлос и сэр Уаткин») Дон Кихота с графом Шамбором (об этом подробнее в главе «Христианская трагедия»), он пишет далее о его царственном родственнике Дон Карлосе, претенденте на испанский престол: это «тоже рыцарь», но такой, в котором «виден великий инквизитор. Он пролил реки крови *ad majorem gloriam Dei* [к вящей славе Божией. — *лат.*] и во имя Богородицы, кроткой Мольщицы за людей» (22; 93). Да и сопоставление выросших из одного корня образов Мышкина и Ставрогина, о чем уже говорилось выше, может сказать о многом. В свое время С. Бочаров писал о важной для Достоевского теме — *сочетания* сострадания и презрения, перерастания одного в другое — и о ее эволюции от Раскольникова к Великому инквизитору³⁴⁷. Но С. Бочаров почему-то совсем не упоминает при этом о Мышкине и Ставрогине — двух образах, в которых Достоевский попытался развернуть это двуединство к свету сначала одной, а затем другой стороной.

«Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» (8; 192), — так думает Мышкин во время своего блуждания по Петербургу в самом начале второй части романа, после посещения Рогожина и перед тем, как, вопреки своему обещанию, данному им Парфену в его доме, отправиться разыскивать Настасью Филипповну. Но фраза эта следует в его размышлениях сразу вот за чем: «Сострадание осмыслит и научит самого Рогожина». Через несколько часов после этого Рогожин, убедившись, что князь его обманул, бросается на того с ножом... Тут ведь не только прекрасодушие князя, не желающего видеть «мрак» в людях.

«Сострадание, — писал В. Соловьев, — всегда несколько аристократично, оно предполагает отношение высшего к низшему»³⁴⁸. Вспомним историю генерала Иволгина: после того, как Мышкин с сочувственным видом выслушал фантастическое вранье генерала о судьбоносных советах того Наполеону, Иволгин «быстро вышел, закрыв лицо руками» (8; 418). Мышкина охватило было раскаяние: не оскорбило ли генерала «безмерное сострадание к нему»? Но тут же он «расхохотался ужасно,

³⁴⁷ Бочаров С. «Ты человечество презрел...» // Новый мир. 2002. № 8. С. 136—150.

³⁴⁸ Цит. по: Арсентьева Н. Н. Становление антиутопического жанра... Ч. 1. С. 165.

минут на десять» и решил, что ему себя «не в чем укорять, потому что ему бесконечно было жаль генерала» (не похоже ли на описанное выше, в главе VII, поведение Мышкина после визита к Рогожину: «Что же, разве я виноват во всем этом?»³⁴⁹). Однако в тот же вечер он получил от генерала записку, где тот писал, что «не примет знаков сострадания, унижающих достоинство и без того уже несчастного человека» (там же). После чего генерал устроил скандал у Епанчиных, «был выведен с позором» и в тот же вечер умер от удара.

Вспомним и то, что говорит сам Мышкин о своих мучительных отношениях с Настасьей Филипповной: «Иногда я доводил ее до того, что она **как бы**³⁴⁹ опять видела вокруг себя свет; но тотчас же опять возмущалась и до того, что меня же с горечью обвиняла за то, что я высоко себя над ней ставлю (когда у меня и в мыслях этого не было) и прямо объявила мне наконец на предложение брака, что она ни от кого не требует ни **высокомерного сострадания**, ни помощи, ни возвеличения до себя» (8; 361—362).

Хотя бы только эти два примера могли бы вызвать сомнения у тех исследователей, кто утверждает, что вышеприведенная максима князя или фраза из подготовительных материалов к роману: «Сострадание — все христианство» (9; 270) составляет его главную идею и чуть ли не завет Достоевского потомкам?

³⁴⁹ О том, как Достоевский здесь (и в других подобных случаях) с помощью словосочетания «как бы» незаметно меняет модальность происходящего, см.: Касаткина Т. А. Комментарии // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 4. Идиот. С. 623.